

РЕЛИГИОЗНО-ЭТНИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ОБСТАНОВКИ В РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Автор анализирует религиозно-этнические конфликты в дестабилизации политической обстановки в регионах России в 90-х годах XX в. Рассматривается генезис и парадоксальность этнического сознания.

События, произошедшие в России и в мире в целом на рубеже XX–XXI вв., не позволяют сомневаться в том, что религиозно-этнический фактор является одним из определяющих в современной жизни. Он со всей очевидностью свидетельствует о том, что многие народы в этот период столкнулись с проблемами национальной идентификации. Религиозно-этнический фактор проявил себя в активизации требований национально-государственной суверенизации, которая, как считается, отражает стремления и чаяния многих народов. Звучит правдоподобно. Вот уже более четверти века на этно-религиозной основе происходят столкновения в Северной Ирландии, получила свой парламент Шотландия, на очереди Уэльс. В Испании за суверенитет ведут борьбу баски и каталонцы, требующие большей самостоятельности от центра. Проблема Трансильвании в Румынии, населенной венграми. Конфликт в Шри-Ланка, где тамилы борются за независимость от ланкийского правительства. Курдская проблема 37 миллионного народа расчлененного между Турцией, Ираном, Сирией и Ираком. Этнические проблемы остро стоят в Бельгии, Канаде (Квебек), Франции (Корсика). Многие исследователи видят причину распада таких стран, как СССР, Югославия, Чехословакия в этно-религиозном факторе.

На территории бывшего СССР идет объективный процесс материализации национальной самобытности, национального достоинства и национальной культуры. Но стремление людей к национальной самобытности не всегда согласуется с существующей необходимостью жить вместе с другими народами в мире и согласии. Подстрекатели находятся. Гусейнов Г. отмечает: «К чему стремится каждый этнос? К тому, чтобы занять ранговую ступень в системе, где национальное неразрывно связано с государственным <...> хоть на пяточке, хоть на лоскутке земли ощутить себя большинством. Меньшинство, ощутившее себя большинством в своем национальном государстве, подчиняется действию тех же самых иррациональных сил, от гнета которых оно хочет освободиться. Вот почему так опасны в многонациональном государстве идеи национальной государственности»¹.

Чего стоят декларации президента Грузии начала 1990-х гг. Гамсахурдия, открыто провозгласившего лозунг «Грузия — для грузин», или его коллега — первый президент Азербайджана Эльчибей, реализующий в те же годы такую же политику под лозунгом «Русские — в Рязань, татары — в Казань!». Нечто подобное, но в более стертом виде происходило в других республиках и национальных регионах. Апофеозом националистических притязаний стала реализация проектов по переводу графики национальных языков с кириллицы

¹ Психология национальной нетерпимости: Хрестоматия / Сост. Ю.В. Чернявская. Минск: Хорвест, 1998. 300 с.

на латиницу, исходя из того, что последняя якобы «более точно передает звуки нашего языка», а «кроме того восстанавливается историческая традиция». При этом замалчивается тот факт, что латинская графика восточными народами использовалась 10–15 лет (в условиях массовой неграмотности), а кириллица — 60–70 лет (при всеобщей грамотности населения). Но если это решение вновь возникших стран в Средней Азии как-то объяснимо (дистанцироваться от России как можно быстрее), то намерение правящих групп субъектов Российской Федерации перейти на латиницу малопонятно большинству людей данной нации. Например, трудно объяснить намерение части правительства Татарстана перейти в новом столетии на латинскую графику, не считаясь с тем, что большинство татарского населения не живет в Татарстане. А не породит ли такой подход конфликт уже среди самих татар? Стремление к модернизации своей этнической жизни сопровождается спорами, «кто древнее», «у кого раньше появилась письменность», кто какими территориями владел. И вот долгие годы, мирно живущие люди начинают «вспоминать» некие исторические обиды, требуют восстановления исторической справедливости, или предъявлять счет для возмещения ущерба.

К сожалению, большую лепту в такое развитие событий внесли примитивно мыслящие политики А.Н. Яковлев, а также радикалы Старовойтова и Шахрай, которые в 1992 г. провели закон о реабилитации всех народов, подвергшихся сталинским репрессиям. Ложно понимая процессы демократизации, они провозгласили не только политическую, экономическую и культурную реабилитацию, что логично, но и территориальную, что сразу породило массу этнических конфликтов, в том числе кровавых, особо наглядно проявивших себя в осетино-ингушском противостоянии. Однако в целом бытующие представления о росте национальной напряженности и этноцентричности самосознания российских граждан не подтверждается конкретными социологическими исследованиями. Реальная дилемма гораздо сложнее. По данным специального исследования под названием «Этнополитическая ситуация в регионах Российской Федерации», было выявлено, что процент «безусловно» готовых «принять участие в конфликте на стороне своей национальной группы» остался и в начале и в конце 90-х гг. примерно на одном уровне: он колебался в пределах 13–15 %. Практически не сократился и показатель предубежденности против других народов. При ответе на вопрос «Есть ли национальность, к которой Вы испытываете неприязнь?» в ряде регионов России (Татарстан, Карелия, Ставропольский край) число ответивших утвердительно колебалось в пределах 15–34 %². С точки зрения Л.М. Дробижевой, данные исследований показывают, что апелляция к национальной идее гораздо более свойственна интеллектуальной элите, чем остальным группам населения. Лишь 7,7 % населения ответило утвердительно на вопрос «Есть ли плохие нации?» (среди мужчин этот процент поднимается до 11 %). 73,6 % в своем определении российского гражданства не использовали этнический фактор. Делается вывод, что этноцентризм в России развит не больше, чем в европейских странах³.

² Россия: центр и регионы. Вып. 4 / Под ред. М.С. Гучериева и В.Н. Иванова. М., 1999. С. 15, 221.

³ Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.

В целом можно говорить о парадоксальности этнического сознания, которое проявляется во всех типах этнического взаимодействия. В определенной степени национальные противоречия обусловлены тем, что центристские тенденции превалируют над центробежными и, что является парадоксальным, скорее способствуют последним, чем сдерживают их. Существует значительный разрыв между политическими установками новоявленных вождей и их народов — они часто направлены на прямо противоположные цели и заботы⁴. Особо стоит остановиться на характеристике парадокса, который присущ национальному самосознанию интеллигенции. Первые попытки анализа национальных отношений на границе 60–70-х гг. в республиках Поволжья показали, что носителем националистических идей выступала интеллигенция, а не рабочие и крестьяне. Уже в этот период представители интеллигенции поволжских народов высказывали претензии по поводу их обделенности властью, сомневались в ценности смешанных браков, считали преувеличенным внимание к русскому языку в ущерб национальному и т.п.⁵. «Обиды» на русскую «державность» продолжались и в 1970–1980-е гг., пока не сформировались устойчивые националистические концепции защиты интересов только своего народа, при явном или скрытом игнорировании языка, культуры, вероисповедания других народов, особенно тех, с которыми были образованы те или иные национально-государственные объединения. С приходом такой интеллигенции к власти началась не только критика, но и изгнание в тех или иных формах русской культуры и русского влияния из повседневной и общественной жизни этих народов. Парадоксальность ситуации заключается в том, что интеллигенция выступала против той культуры, которая ее породила, или, по крайней мере, дала возможность реализовать себя в полном объеме.

У интеллигенции многих этносов еще в советское время регистрировалась раздвоенность сознания и поведения. Многие из них ратовали за развитие родного языка, культуры, но детей своих учили в русских школах, а сейчас уже и попытки приобщиться к американской, английской, турецкой культурам. Противопоставления своей национальной культуры русской особенно ярко проявляется в деятельности тех людей, которые оторвались от духовных корней своего народа, не знают или плохо знают его язык и культуру. Именно такие представители часто возглавляют радикальные националистические организации. В то же время немалую роль в обострении этнических отношений в России сыграли отдельные представители российской писательской интеллигенции по принципу: «Благими помыслами...».

Ю.В. Андропов высказал интересную мысль: «Мы не знаем общества, в котором живем» (потом Горбачев повторил — правда, без пользы). «Давайте вспомним горькое предположение В.В. Розанова... он сказал, что «Приказ № 1, превративший одиннадцатью строками одиннадцатимиллионную русскую армию в труху и сор, не подействовал бы на нее, и даже не был бы вовсе понят ею, если бы уже три четверти века к нему не подготавливала вся русская литература <...>. Собственно, никакого сомнения, что Россию убила литература». Это понял на склоне дней А.П. Чехов, пытавшийся вразумить читателей и предупредить писателей. Он писал, что мир литературных образов условен, и его ни

⁴ Подробнее см.: *Тощенко Ж.Т.* Этнокрафия: история и современность. М., 2003.

⁵ См.: *Вопросы философии.* 1974. № 8.

в коем случае нельзя использовать как описание реальной жизни, а тем более делать из него какие-то социальные и политические выводы. Трудно представить себе, что сказал бы В.В. Розанов, почитав Войновича.

Война с Россией не в мире земной жизни — мире молока и хлеба, тепла и холода — а в мире воображения, в виртуальном пространстве и времени. Ах Сталин в 1944 г. выселил чеченцев? Так взорвем сегодня весь Кавказ, вместе с чеченцами, да взорвем уже не виртуально! Для этого тут как тут Приставкин со своей повестью. Ей верят — он сам видел слезинку чеченского ребенка! Да, это было бы правдой, если бы он писал для читателей Андре Жида — так, что «написанное» не будет иметь никаких последствий. Но он-то знал, что последствия будут, для них он и работал, ведь надо было взрастить Дудаева. Когда уже бомбили Чечню, Приставкин хвастался в западной прессе: «Мой фильм «Ночевала тучка золотая» Дудаев смотрел, сидя один в зале — и по щекам его текли слезы». Долг писателя, по мнению Приставкина, — плеснуть бензину в нужный момент, не дать огоньку погаснуть»⁶.

Еще один парадокс, порожденный не массовым сознанием, а исключительно заботами идеологов этноэгоизма и этнофобии, — это вопрос о титульных и нетитульных народах (т.е. первые появившиеся). Ни один народ не может быть признан как первый владелец данной территории, а значит, титульных народов нет, есть «автохтонные народы», создавшие на определенной территории свою культуру, свой образ жизни.

Рассматриваемый этнический фактор, дестабилизирующий обстановку, очень часто имеет религиозную окраску, религиозный подтекст. Религия оказывает влияние на все этнопсихологические различия, такие, как мотивационно-фоновую сферу, интеллектуально-познавательную, эмоционально-волевою и коммуникативно-поведенческую сферы. Темперамент, бытовую культуру, права и обычаи народов. Возможность использовать религию в деструктивных целях вытекает из самой функциональной роли религии, таких ее функций, как «мировоззренческая, компенсаторная, коммуникативная, регулятивная, интегрирующая — дезинтегрирующая, культуротрансмутирующая, легетимизирующая — разлегетимизирующая»⁷. Реализация этих функций в общественном сознании приводит к столкновению различных, порой взаимоисключающих точек зрения и взглядов на человека на мир в целом. Процессы, происходящие в религиозном сознании, обладают значительным своеобразием и противоречиями.

Общественное сознание, несмотря на внешнюю демонстрацию религиозности, продолжает оставаться в основном светским, ибо отношение людей к церкви изменилось мало.

Социологические опросы показывают, что значительная часть людей воспринимают православие как один из традиционных элементов русской культуры и поэтому причисляют себя к верующим, хотя не более 7–10 % из них включены в жизнь церкви в соответствии с каноническими правилами⁸. Позиция россиян, считающих себя православными, носит скорее культурно-исторический, нежели собственно религиозный характер. Подобное самоотнесение свидетельствует о

⁶ Кара-Мурза С. Манипуляции сознанием. М., 2000. С. 358–359.

⁷ Основы религиоведения: Учебник / Ю.Ф. Борумков, И.Н. Яблоков и др.; Под ред. И.Н. Яблокова. М.: Высшая школа, 1994. С. 67.

⁸ Общественное мнение. 2006. М., 2006. С. 149.

массовой потребности в национально-культурной идентификации. Напряженность, возникшая в последние годы в общественном сознании, нацеливает личность и конкретное сообщество на воспроизводство сформированных ранее идеалов. Еще одна особенность современной российской ситуации в том, что снятие запретов, позволившее официальным структурам всех религий развить бурную деятельность, одновременно способствовало успехам «раскольников» и расцвету нетрадиционных религий. Немаловажен вопрос, не обернется ли новое состояние свободы вероисповедания желанием избавиться от всего, что стоит на пути религии, (Босния и Герцеговина, Таджикистан) вооруженным путем. Парадоксален и тот факт, что в результате «религиозного возрождения» происходит рост преступности, а не отношения любви и братства.

Таким образом, религиозно-этнические факторы, парадоксальные по своему проявлению, — одно из самых разрушительных орудий, способных взорвать гражданский мир между народами России. Противоречия на этой почве приводили к серьезным столкновениям в XX в. Обострение этих противоречий во многом связано, по словам Вадима Кожина, с омертвлением и оскудением духовного мира, без которого человек не является человеком. Доминирование «развлекательной по своей сути культуры, вернее псевдокультуры, не связанная с теми высокими и исполненными богатым смыслом переживаниями, которые так или иначе приобщают каждого человека к величию исторического и Вселенского бытия...»⁹, приводит к этно-культурной мутации и радикализму, разрушению диалога культур.

⁹ Кожин В.В. О русском национальном сознании. М., 2002. С. 22.